

Ци Цзиншэн был рад, что его психологический возраст перевалил за тридцать. В юности он, вероятно, подумал бы, что началось вторжение инопланетян. Даже сейчас он не мог быть уверен, что случайно не помог какому-то странному существу.

В конце концов, не было никаких доказательств того, что голос говорил правду.

В основном из-за того, что голос звучал слишком по-детски, и он сам вернул его в прошлое, Ци Цзиншэн невольно расслабился. Подумав, он спросил:

— Ну, а что ты можешь для меня сделать?

Голос на мгновение замолчал, слегка смутившись. Чтобы не нанести непоправимый ущерб миру, в который они прибыли, у них не было никаких сверхъестественных способностей.

— Ну, я могу быть записной книжкой, могу вычислять вероятности по заданным правилам.

— То есть ты можешь делать все, что может энергетический терминал? — Ци Цзиншэн вздохнул с облегчением. Хоть и не было волшебной палочки, как в сказках, но сам факт его возвращения уже был самым большим чудом.

Энергетический терминал в этом мире был чем-то вроде мощного компьютера из его прошлого мира. Сравнивая себя с этим древним устройством, голос слегка расстроился, но, будучи связанным множеством ограничений, не мог ничего возразить.

После небольшой беседы с голосом Ци Цзиншэн откинулся на спинку кресла, чтобы отдохнуть. С момента пробуждения прошло уже почти четыре часа, и голова начала болеть. Пора было передохнуть.

Согласно объяснению голоса, его тридцатилетняя духовная сущность не полностью соответствовала семнадцатилетнему телу, так как физическая сила была еще недостаточно развита. В семнадцать лет скелет еще не полностью сформирован.

Утреннее осеннее солнце светило сквозь стеклянное окно, согревая сиденье. Было время занятий, и в общежитии царила тишина, только в чайной звучала едва уловимая мелодия древнего циня.

Ци Цзиншэн уже почти засыпал, когда в дверях чайной зазвенел колокольчик, и быстрые шаги смешались с учащенным дыханием. Молодая девушка за стойкой удивилась:

— Эй? Разве сейчас не время занятий?

На лице Шан Сяоханя мелькнуло разочарование, но он быстро подал ей квитанцию и смущенно ответил:

— Сегодня у нас дискуссия. Вот, кухня уже все проверила.

— Все равно не стоит прогуливать. В твоем возрасте нужно хорошо учиться, — девушка проверила подпись и поставила печать на квитанции. — Возьми.

— Спасибо! — Шан Сяохань слегка поклонился, поправил сумку и быстро вышел. В мире все еще много добрых людей.

Что касается дискуссии, если бы это была Чэнь Чжэнь, она бы не постеснялась. Неизвестно, сможет ли он еще учиться. Он невольно коснулся подвески на шее — последней вещи,

оставшейся от матери. Жалко было продавать ее.

Ци Цзиншэн, погруженный в легкую музыку, почти уснул, когда ему показалось, что он услышал голос Шан Сяоханя. Очнувшись, он огляделся, но чайная была пуста, и за перегородками из растений он не увидел даже колокольчика и закрывающейся стеклянной двери.

— Галлюцинация? — он машинально потрогал нефритовую подвеску. Голос сказал, что вернул его назад, истратив всю энергию, и после объяснений перешел в режим ожидания.

Через полчаса водитель спустился за ним. Общежитие было убрано.

Квартира из трех комнат с двумя спальнями и кабинетом, общей кухней и небольшой барной стойкой. В каждой спальне была своя ванная. По сравнению с усадьбой, где у каждого был свой двор, это было тесновато, но Ци Цзиншэн был доволен:

— Освободите место в гостиной для тренажеров. Я отдохну, можете идти.

Водитель посмотрел на часы:

— До обеда остался час. Если я вернусь в усадьбу Шэньюань и успею приехать обратно, как раз к обеду. Госпожа сказала, что вы еще не полностью выздоровели, и пока лучше, чтобы еду приносили из дома.

— Хорошо, пусть горничная приносит каждый день в полдень. Оставьте в термосе, не будите меня. — Ци Цзиншэн, потирая лоб, нашел свою спальню и плюхнулся на кровать.

На горной дороге Шан Сяохань сидел в кузове маленького пикапа, сосредоточенно читая документ с накопителя.

Грузовик доехал до оптового рынка в западной части Фэнчэна, и водитель крикнул:

— Приехали!

Шан Сяохань спрыгнул с кузова, зашел в магазин и передал небольшую пачку квитанций и заказ на завтра владельцу.

Хозяин, сидя перед грудой неочищенных бамбуковых побегов, встал, снял перчатки и принял документы:

— Все верно. Ты как всегда быстр. Завтра придешь?

Шан Сяохань, прислонившись к двери, вздохнул, вдыхая запах рыбы из соседнего рыбного магазина. Он огляделся: перед каждым магазином лежал мусор, оставшийся после утреннего рынка, и беспорядок вокруг вызывал чувство безысходности.

Хозяин снова сел чистить бамбуковые побеги. Они были соседями, и он примерно знал о проблемах Шан Сяоханя:

— Чэнь Чжэнь — нехороший человек. Если хочешь моего совета, подавай на нее в суд. Она получила пенсию за твоего отца и обязана содержать тебя. Государственные школы недорогие, а ты учишься хорошо, много денег не потратишь.

— Дядя, я не хочу учиться на вспомогательную специальность и потом влачить жалкое

существование. — Шан Сяохань с грустью нашел пару перчаток и начал помогать чистить побеги.

Судиться было бесполезно. Чэнь Чжэнь не запрещала ему учиться, она просто хотела, чтобы он пошел в профессиональное училище, а через три года устроился работать на шахту или получил технический сертификат после дополнительного обучения.

Ее аргументы были убедительными: в прошлом семестре у Шан Сяоханя были оценки ниже 90 баллов по трем предметам, а то, что внезапная смерть отца могла повлиять на его успеваемость, очевидно, игнорировалось.

Кроме того, Шан Сяоханю уже исполнилось четырнадцать, и до сих пор не было никаких признаков пробуждения энергетического поля. Его отец, хотя и был профессиональным военным, обладал только силовым полем вокруг себя, а в семье матери за три поколения никто не проявлял талантов. Какова вероятность, что ребенок таких родителей, даже если он в детстве был очень умным, пробудится?

С потерей кормильца доходы семьи резко упали, зачем тратить деньги на бесполезные специальности?

Дети из простых семей могли учиться на престижных специальностях, таких как финансы, управление или медицина, и после окончания реализовать социальный лифт, получив надежную работу и уважение.

Но сроки и стоимость обучения по сравнению с практическими навыками, которые можно освоить за короткое время, были несопоставимы.

Первые три года средней школы изучали общие предметы, а с четвертого года нужно было выбирать специализированные курсы в зависимости от будущего направления. Разные курсы требовали разных учебных материалов и оборудования, и стоимость варьировалась.

Чэнь Чжэнь не хотела платить больше за обучение и даже не дала Шан Сяоханю год, чтобы посмотреть, сможет ли он пробудиться к пятнадцати годам.

И что самое обидное, эти аргументы находили понимание у соседей. Золотой фазан из гнезда — это чаще всего легенда, а те, кто позволял детям мечтать, в девяносто девяти случаях из ста просто тратили лишние деньги.

Хозяин остановился, широко раскрыв глаза, и оглядел Шан Сяоханя:

— Что, ты хочешь пойти по стопам отца?

Шан Сяохань опустил глаза, и на его юном лице появилась глубокая растерянность:

— Не знаю. Просто... я не хочу сдаваться.

С детства он был примером для других, вундеркиндом, которого все хвалили, всегда был среди лучших. Лица родителей, радовавшихся его успехам, их гордость после родительских собраний — все это постепенно исчезло, и он стал беспризорником.

Дом стал пустым. Империя выплачивала высокие пенсии за погибших военных, и несовершеннолетние дети получали пособия. Чэнь Чжэнь не испытывала недостатка в деньгах на этот год, она просто хотела оставить их своим детям.

Если бы он был совершеннолетним, то мог бы подать в суд и открыть отдельный счет, но сейчас ему еще нужен опекун...

В Фэнчэне были такие знатные семьи, как Ци и Янь, но также жили и простые люди. В западной части города располагался большой строительный рынок и оптовые базы различных товаров.

По сравнению с роскошными садами знатных семей на северо-востоке, это был совершенно другой мир. Человек, всю жизнь проработавший в овощной лавке, считал, что живет неплохо, и не мог понять:

— Мальчик, амбиции — это хорошо. Но в жизни нужно быть реалистом. Сколько людей мечтают взлететь к небесам, но сколько из них добиваются успеха?

— Я все понимаю. — Шан Сяохань надул щеки, такие слова он слышал слишком часто.

<http://bllate.org/book/17699/1652342>